

ПОИСКИ «СТИЛЯ ЭПОХИ» В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ТЕОРИИ 1830–1850 гг. И НАЧАЛО «СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ»

Канд. арх., доц. КОЖАР Н. В.

Белорусский национальный технический университет

Уроки истории важны всегда. Изучение процесса развития зодчества Новейшего времени требует постоянного привлечения свежих материалов, расширяющих наши представления о его истоках. Существенно возросший сегодня интерес к градостроительной культуре XIX в. вызван тем, что в этот период сформировалась современная система архитектурных ценностей. Ее анализ может способствовать решению ряда актуальных теоретических проблем. Особую значимость имеет этап 1830–1850 гг. – время перехода от классического «подражания античности» и «многостилья» эпохи романтизма к попыткам создания «нового стиля эпохи», «новой архитектуры».

Неспокойная политическая ситуация и промышленная революция, характерные для большинства европейских стран в первой трети XIX в., не могли не отразиться на архитектуре. Использование нетрадиционных материалов вызвало изменения в технологии, наука все глубже проникала в строительство, появилась специальная литература. Эти перемены сказались как на формах, так и на переоценке миссии зодчества. Требование выражать «дух народа» сменилось необходимостью выражать «дух времени».

Хотя существенным прогрессом в эстетическом мышлении стало представление о гибких отношениях систем «техника–эстетика», «конструкция–форма», «цель–форма», все новые теории, пытавшиеся дать обоснование путей создания «соответствующих времени» форм, не могли выйти за рамки ретроспективного метода. Инновации при одновременном сохранении исторического наследия – это принцип, при котором гарантировалась непрерывность исторического развития, подорванная Великой французской революцией и последовавшими общественными изменениями.

Продолжали господствовать и укоренившиеся в эстетическом сознании традиционные понятия о связи материала с соответствующими ему идеальными формами, разработанными в прошлом. Существовавшая на протяжении столетий устойчивая классическая традиция и постоянный художественный ориентир – античность – не вызвали необходимости в решении проблем стилеобразования. Нормативная теория являлась основой трактовки стиля как определенной нормы совершенства, воспринимаемой как данность. Корни возникновения проблемы стиля можно увидеть в художественной критике эпохи Просвещения, когда нормативное понимание «абсолютной красоты» было ограничено в угоду «относительной красоты». Почву для перемен подготавливали тенденции, существовавшие в русле классической традиции, но основанные на исторических и субъективных ассоциациях выбора античных образцов.

В начале XIX в. под влиянием «теории характеров» важная категория романтического мышления – историзм – спроецировалась в область архитектурной эстетики в виде проблемы стиля. Возникло осознание невозможности создать нормативное совершенство, результат единства природы и разума, сходный с «идеальной красотой» (стиль по И. И. Винкельману). Употребление понятий «стиль» и «характер» как синонимов положило начало разрушению традиционной сути стиля, не допускавшей отклонения от нормативного идеала. Возникла возможность субъективного выбора применяемого языка форм.

Отказ от нормативной теории, возникшая зыбкость и изменчивость критериев, субъективность эстетических оценок вызвали «анархию ценностей» в искусстве. Применяя классические или «национальные» формы, архитектор пытался найти равновесие прошлого и настоящего. Выбор той или иной исторической формы дикто-

вался как чисто формальными условиями, так и способом мышления, духовными предпосылками. В последнем случае акцент делался на идейном содержании значимой формы.

К началу 1830 г. сенсуалистическая, ассоциативная трактовка «характера» архитектурного сооружения стала заменяться критически-интеллектуальной. Этому способствовали достижения естествознания, философии, археологии. Все изменения вызвали новую постановку проблемы наследия. Свойственный романтикам подход к выбору исторического «стиля» как средства выражения индивидуальности художника, оригинальности, «народности» дополнился критической оценкой конструктивных и технических качеств архитектурной системы, пригодной для создания «нового качества».

Отрицание канонов и норм выразилось в программном требовании создания новых стилеобразующих элементов. В этом требовании важная роль отводилась «многообразию», ставшему синонимом «прекрасного». Постулаты «художественной свободы» дополнили недавнее стремление возродить или продолжить развитие какого-либо из известных стилей прошлого. Дальнейший отход от «типологического» метода классицизма и разделение утилитарных и художественных аспектов архитектуры создали ситуацию, в которой функция потребовала «одухотворения», и именно «стиль» стал выражением этой «духовности».

Поэтому возникшая в начале 1830 г. дискуссия о «новом стиле» имела характер «духовного движения». Цели архитектуры, определявшиеся в жестком споре, были тесно связаны с эстетическими, техническими и общественными проблемами. «Многостилье» эпохи раннего и высокого романтизма сменилось желанием создать собственный стиль, который должен был отразить «единство всех проявлений жизни». Сама дискуссия о «новом стиле» явилась показателем отсутствия его однозначного определения. Поиски «истинного» направления в зодчестве стали основной задачей архитектурной теории 1830–1850 гг.

У архитекторов возникло стремление любой ценой найти эстетическую категорию и соответствующую ей форму, отражающие «суть современного творчества». Новое понимание «современного стиля» выразилось в поисках «идеальной формы», которая отразила бы свойственные эпохе способ исторического мышления и эмоциональное состояние. «Новый стиль» должен был сохранить в зодчестве традицию «ценности художественного произведения». Конструктив-

ная же система созданного «стиля» должна была быть легко осуществима (и дополнена) на основе достижений науки и техники.

На практике выбор форм чаще всего означал либо обращение к определенному историческому стилю, например к античности, готике, Ренессансу, либо предполагал их «синтез» с целью достижения «нового качества». Термины «синтез», «слияние» встречаются во многих программах. Нередко они применялись как синоним «гармонической взаимосвязи». Эта важная категория архитектурной теории рассматривала наследие не как преодоленное прошлое, а как полностью интегрированное, являющееся составной частью современности. В целом свободное обращение к истории обусловило разнородность стилистических позиций в архитектуре, отражавших всю палитру идейного содержания «современности».

Важное место в поисках стиля получило романтическое понятие «художественной воли», которое рассматривалось как источник и основа выбора стиля, изменения вкусов или моды. Творчество архитектора понималось как созидательный процесс, когда одаренная личность выбирает и создает новые формы согласно собственному вдохновению. А действия творца направлены на решение конкретных художественных задач, зависящих от исторических, народных, идеологических и общественных условий.

Теоретики стремились установить новый порядок рангов архитектурных задач, найти различия в области характерного и индивидуализировать типичное. Эти цели вступали в противоречие с желанием одновременно сохранить традиционные ценности в период революционного отказа от них. В дискуссии о «стиле эпохи» можно также явственно проследить тенденцию перехода от романтического культа средневековья, народного искусства и ремесла к открытию социальных проблем и стремлению к их рациональному решению с помощью обращения к сходным явлениям истории.

Концепции архитекторов, принявших участие в теоретическом обосновании «нового стиля эпохи», можно условно расположить между двумя полюсами, определявшимися суждениями о «необходимости» и «невозможности» его создания. Они содержали в различных сочетаниях элементы рационализма и романтизма, выражая «идеологию» архитектуры формирующейся электики.

Зодчеству 1790–1830 гг. были свойственны значительная свобода композиций, декоративность. Господствовала концепция «единого художественного произведения». С 1830 г. для творческой практики стал характерен метод эклектизма, понимавшийся как синтез различных формальных средств и стилевых элементов. С одной стороны, наблюдалось стремление архитекторов сохранить «общепонятные» формы, с другой – использовать современные технические достижения, что неизбежно вело к выходу за рамки традиции. Переход ко второй фазе эклектики – историцизму – знаменовался постулатом соблюдения «чистоты стиля». Дискуссия о «правильном стиле» пролегла водоразделом между двумя фазами периода эклектики в архитектуре.

Большинство участников дискуссии 1830–1850 гг. было недовольно сложившейся в архитектуре ситуацией. Журналы писали о «вавилонском столпотворении» и «архитектурном карнавале». Попытки выяснить «основные определяющие факторы» для создания «нового соответствия форм» соседствовали с утверждениями об их бесплодности. Сторонники этой позиции видели причины творческих неудач в « пороках индивидуализации жизни» или в нарушении «процесса всех внутренних взаимосвязей», в разделении наций на «собственно народ» и «образованное общество». Наконец, был выдвинут тезис о высокой миссии архитектуры – «всестороннем и гармоническом удовлетворении всех потребностей человека», реализовать которую мешает «расчлененность общества». Было выражено мнение, что «все должно быть по-другому: как в жизни, так и в искусстве. Сначала должен наступить день новой Отчизны, нового народно-

го духа. Тогда можно требовать и нового искусства...».

Венцом поисков «нового стиля» стал конкурс, объявленный Баварским королем Максимилианом II в 1850 г. Речь шла об «архитектурной задаче времени», о роли зодчества в «оформлении всех жизненных отношений и сил в интересах нации». Конкурс должен был завершиться созданием «характерного памятника искусства», представлявшего собой «оригинальное, красивое, органическое целое». Однако все представленные проекты явились ярко выраженными образцами архитектуры эклектики и вызвали осуждение широких кругов европейской архитектурной общественности.

Результаты творческой дискуссии 1830–1850 гг. свидетельствуют, что поиски «стиля эпохи» не увенчались его созданием. Поставленные вопросы о принципах стилеобразования, связи функционального назначения сооружения, применяемых материалах и технических средствах, роли идейных и социальных задач архитектуры не были решены. Проблема стиля осталась одной из центральных в архитектурной теории второй половины XIX в. Волнует она и современных теоретиков архитектуры.

Поэтому нельзя не согласиться со швейцарским исследователем В. Германном, утверждавшим, что «зодчество XIX в. ... никогда не было так близко современному, как с 1830 до конца 1840 г.». Изучение этого периода с позиций сегодняшних представлений о градостроительной культуре позволяет существенно дополнить знания о генезисе «современной архитектуры».

*Рецензент канд. арх.,
доц. ЛАЗОВСКАЯ Н. А.*

УДК 625.7.06/.07

ПОТРЕБНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ МОДИФИЦИРОВАННЫХ БИТУМОВ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ДОРОГ И ГОРОДСКИХ УЛИЦ ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ЧИГАС Д., ЛАУРИНАВИЧЮС А., ПЕТКЯВИЧЮС К., ХРИСТАУСКАС Ю.

Вильнюсский технический университет имени Гедиминаса

В настоящее время на автомобильных дорогах и улицах городов Литвы резко возросла интенсивность движения автотранспорта, в потоке

машин увеличилось количество тяжелых транспортных средств, повысились нагрузки на оси грузовых автосредств, что зачастую приводит к